

Двадцать шесть месяцев в Освенциме

(Рассказ Мордехая Цирульницкого, б. заключенного No 79414)

1. В местечке Острино

Я родился в 1899 году в местечке Острино, ныне Гродненской области. Там же я жил со своей семьей до гитлеровского нашествия. Семья у меня была большая: пять человек детей. Славные у меня были дети. Учились все. Старшая дочка Галя - ей сейчас было бы уже двадцать два года - с приходом Советской власти поступила в Гродненский инженерно-строительный техникум и весной 1941 года перешла на второй курс Старший мальчик, семнадцатилетний Яков, учился в полиграфическом фабзавуче. Остальные учились еще в школе: шестнадцатилетний Иоэль перешел в девятый класс, тринадцатилетний Вигдор - в восьмой класс, а самая младшая Ланя, - ей было всего девять лет - перешла бы уже в четвертый класс. Острино расположено недалеко от границы. Уже 23 июня 1941 года местечко со всех сторон было окружено немцами, и те жители, которые пытались бежать, вынуждены были вернуться обратно. А 25-го немцы вошли в Острино.

Расстрелы людей начались сразу же после вступления немцев в местечко. Первыми жертвами пали те, кто участвовал в организации Советской власти и в работе Совета в нашем районе. Наше местечко входило в Щучинский район. В начале сентября комендантом района был назначен немец-гестаповец. Фамилии его я сейчас не припомню - ослабла память после лагеря. С момента его назначения началась травля и преследование евреев. Сначала евреям запрещено было выходить за пределы местечка. За нарушение этого приказа полагался расстрел. Так был расстрелян 80-летний Арье Таневитский, застигнутый гитлеровцами неподалеку от местечка. В тот же период был убит и местечковый раввин Безданский. Вместе с группой других граждан местечка он был увезен будто бы в концлагерь, а через несколько дней мы узнали, что все они расстреляны. Затем последовал приказ, запрещающий евреям показываться на улицах местечка по воскресным дням. И опять - за нарушение расстрел, причем тут уже подлежали расстрелу не только сами виновные, но и все члены их семей. Жена Хаима Хлебовского вышла на улицу за водой. Ее схватили и расстреляли вместе с мужем и двумя малолетними детьми. 7 ноября 1941 года загорелся какой-то сарай. Немцы обвинили евреев в поджоге и приказали всему еврейскому населению немедленно собраться на площади "для проверки". Несколько десятков человек, в том числе все, кто не успел явиться вовремя, или же у кого немцы нашли документы не в порядке, были тут же расстреляны. Расстрелы стали обычны и часты в нашем местечке. Производились они большей частью в базарные дни, чтобы напугать

окрестное крестьянское население. Комендант, проживавший в районном центре - Щучине, часто наезжал в Острино, и тогда мы уже знали, что предстоят расстрелы. Среди других были расстреляны все учителя: Миллер с женой и двумя дочерьми, Елин и другие. В то же число попал и синагогальный старик Дразнин. Однажды - это было в конце ноября 1941 года - все еврейское население опять было согнано на площадь, причем приказано было захватить с собою ценные вещи. Люди полагали, что предстоит переселение куда-нибудь в другое место. Однако, дело ограничилось тем, что все вещи, принесенные на площадь, были отобраны. В домах в то же время шел повальный грабеж. Я потом узнал, что немецкий агроном, ворвавшийся ко мне в дом, стащил даже школьные тетради и карандаши моих детей. Кто пытался оказать малейшее сопротивление, был убит. По приказу коменданта, в каждом доме на стене должен был висеть список жильцов. Если при проверке списка кого-либо не обнаруживали на месте, расстреливалась вся семья. Так погибла семья Ошера Амстибовского из восьми человек. Гетто в Острине было организовано в начале декабря 1941 года. К нам в местечко согнали евреев из всех окрестных деревень, из местечка Новый Двор, из Демброва. Прибывшие рассказали, что все слабые и больные по дороге были убиты. При организации гетто снова было расстреляно человек десять. Затем последовали новые приказы и новые расстрелы. Лейб Михелевич и его сестра Фейге-Соре были расстреляны за то, что привезли украдкой в гетто немного зерна. Ошер Боярский был застигнут при размоле зерна - его расстреляли. Да разве упомнишь всех! 8 января 1942 года было объявлено, что Острино вместе со всем Гродненским районом включается в состав "Рейха". Население гетто стали ежедневно гонять на работу в лес. Мужчины занимались лесозаготовками. гонкой смолы. Надзиратели избивали людей на работе до полусмерти, а отставших или слабых убивали тут же на месте. Не раз случалось, что людей по обвинению в саботаже отправляли в тюрьму, а раз еврей попадал в тюрьму, он жил лишь до ближайшей пятницы. По пятницам в тюрьме производились расстрелы заключенных [в том числе и всех евреев.]

2. В Келбасинском лагере

2 ноября 1942 года все еврейское население местечка Острино было вывезено в лагерь Келбасино, возле Гродно. До того там помещался лагерь для советских военнопленных. К моменту нашего прибытия в Келбасино военнопленных там уже не было. Туда постепенно свозили евреев из всех городов и местечек Гродненского района. Люди были размещены в небольших землянках, причем на каждую приходилось до трехсот человек. Не то что лежать, - стоять подчас негде было. Теснота, смрад, грязь невероятная. Гнали в болота на тяжелые работы. Хлеба выдавали по сто пятьдесят граммов в день, да и то совершенно несъедобного, и одну - две мерзлых картофелины. Лагерфюрер Инсул за малейшую провинность избивал людей тяжелой палкой - бил он по голове до полной потери сознания

избиваемых. Голод и тиф свирепствовали в лагере. Не было землянки, в которой за день не умерло бы несколько человек, умирали и на работе. А о так называемой больнице, то есть землянке, в которую бросали тифозных больных, и сейчас страшно вспоминать. Вряд ли кто-либо из попавших туда больных мог надеяться выжить, несмотря на все старания доктора Гордона, благороднейшего человека, все свои силы отдавшего на спасение больных. С этим доктором Гордоном мы потом встретились в Освенцимском лагере. Он был одним из активнейших членов нашей организации сопротивления. Удалось ли ему выжить, не знаю. Тела умерших в Келбасинском лагере даже не зарывали в землю. На территории лагеря, несколько поодаль от жилых землянок была вырыта огромная яма, стоявшая все время открытой. Покойников сбрасывали в эту яму, присыпали сверху тонким слоем извести, а наверх кидали все новые и новые трупы. Трудно даже представить, сколько человеческих тел поглотила эта братская могила.

3. Первые месяцы в Освенциме

В Келбасинском лагере мы провели месяц. Но и за этот короткий срок мы были доведены до такого состояния, что казалось совершенно безразличным, что с нами дальше будет. 1 декабря 1942 года мы получили приказ подготовиться к отъезду. Вещи предписано было упаковать, надписать имена и фамилии владельцев, - их обещано было послать вслед за нами на новое место поселения 2 декабря нас всех, вместе с семьями, погрузили в вагоны без крыш. Вагоны набили людьми до отказа и заперли. Ехали мы трое суток. Ни хлеба, ни воды не получали. Больше всего страдали люди от жажды, особенно дети. Во время движения поезда мы всячески ухищрялись раздобыть хоть несколько капель влаги: на веревочке спускали банку, стараясь захватить немного снега, смочить губки изнывавшим от жажды детям; спускали тряпочки, куски бумаги, - тряпка намочнет на снегу, тогда можно было выжать несколько капель. Несмотря на строжайшую охрану, мне удалось на ходу спустить из вагона двух моих мальчиков: Якова и Иоэля. Авось, - думал, я, - хоть они как-нибудь спасутся. Не спаслись... Яков решил бежать в лес, к партизанам. Уже теперь, после войны, будучи дома, я узнал, что он погиб, не дойдя до партизан. Иоэлю удалось пробраться в Гродно, где в гетто жила еще моя сестра. Он был привезен в Освенцим несколькими месяцами позже, вместе со всей семьей моей сестры, и прямо с поезда отправлен в "газ". А я вместе с женой Саррой и тремя детьми были привезены в Освенцим 5 декабря 1942 года. Наш эшелон остановился на маленькой платформе посреди поля. Как я позже узнал, это была специально построенная платформа между Аушвицем и Биркенау... Несколько поодаль виднелись какие-то саран. Дальше - бесконечная линия проволочных заграждений.

Около платформы стояла небольшая группа людей в штатском. И первое, что я увидел, был согбенный человек которого упитанный эсэсовец избивал

палкой. Сколько раз мне потом пришлось видеть подобные картины, но это жестокое впечатление первых минут прибытия в Освенцим мне не забыть. На машине со знаками Красного Креста подъехал к нашей группе лагерфюрер Шварц (кстати, и коробки яда для "газирования" людей в лагере всегда возили на маши не со знаками Красного Креста). Нас окружили эсэсовцы Из вагонов стали выгружать наши вещи. Но нас к ним не допустили. Туг же из вагонов вытащили тела умерших в дороге и сложили в сторонке. Подошла команда заключенных в полосатых костюмах; их направили к вещам. Начался отбор. Больных и слабых отвели туда же, где лежали тела умерших. Здоровых на вид мужчин выделили в особую группу. Всех остальных - женщин, стариков, детей - посадили на машины и увезли. Так я навеки расстался с женой и детьми, даже не попрощавшись с ними, не сознавая что их увезли на смерть. Я оказался среди ста восьмидесяти девяти отобранных мужчин. Нас повезли в центральный лагерь - Освенцим. У въезда мы увидели арку. Наверху надпись: "Arbeit macht frei". В бане каждому из нас на левой руке вытатуировали номер и треугольник. Мой номер, как видите, 79414. Номера и треугольники татуировали только у тех заключенных, которых оставляли на некоторое время в живых для работы. Кроме того все заключенные обязаны были носить на одежде, на левой стороне груди, опознавательные знаки: евреи - красный треугольник и на нем желтый, наложенный так, что получалась шестиконечная звезда (впоследствии этот знак был заменен красным треугольником с желтой полоской наверху), русские - черный треугольник. Политические заключенные носили красный треугольник уголовные - зеленые. Показаться на территории лагеря без опознавательного знака или же носить его не на положенном месте означало идти на верную смерть. Первый встречный эсэсовец мог задержать тебя, свалить ударом наземь, бить сапогами в лицо, в грудь, а потом отправить в газовую камеру. Первую ночь вся наша группа провела вместе в одном из барачков. Наутро - новый отбор. Всех мужчин моложе сорока лет отделили и отправили в лагерь Буна - третий по величине лагерь после Аушвица и Биркенау. Таких мужчин набралось сто сорок человек. Нас остальных сорок девять поместили в четвертый блок (барак). Меня включили в рабочую команду, занятую выравниванием реки Соло. Два-три часа продолжались проверки ("апель") утром, перед отправкой на работу, и столько же вечером - по возвращении в барак. На работу приходилось идти три километра. Труд был тяжелый, изнурительный. Нас сопровождали особые команды эсэсовцев, которые во время работы наблюдали за нами, вернее, издевались над нами. Нет слов для описания садизма эсэсовцев, мучивших, избивавших нас по малейшему поводу, а то и без всякого повода. Бывало, подойдет к тебе охранник. Раздается команда: "Нагнись!" и туг же на месте он отсчитывает тебе двадцать пять-пятьдесят палочных ударов. Все твои мысли направлены в это время к одному: как бы удержаться на ногах, не упасть, иначе тебя ждет пуля.

В конце декабря была проведена "санитарная" кампания. С нас сняли всю одежду, заперли совершенно голыми, затем голышом же погнали в баню. 2 января 1943 года я был зачислен в команду по разборке вещей, прибывающих в лагерь заключенных. В этой же команде, вместе со мной, оказалась группа евреев, привезенных из Франции. Тут был еврейский актер Блюмензол, мой двоюродный брат. Арон Лейзерович и другие. Часть из нас занималась разборкой прибывавших вещей, другие - сортировкой, а третья группа - упаковкой для отправки в Германию. Ежедневно отправлялись в разные города Германии по семь-восемь вагонов вещей. Старые, изношенные вещи отправлялись на переработку в Мемель и Лодзь. Работа шла непрерывно круглые сутки, и днем и ночью, и все же нельзя было с ней справиться - так много было вещей. Здесь, в тюке детских пальто, я нашел однажды пальто моей младшей дочурки - Лани. Уже вскоре после того как я начал работать в этой команде, я узнал о газовых камерах, о крематориях, где ежедневно сжигались тысячи людей, я узнал о судьбе всех тех, кому не посчастливилось попасть в рабочие команды, и понял, что та же судьба постигла и мою семью. Люди ослабевшие, истощенные, больные, негодные для рабочих команд неизменно "газировались", а на их место присыпались другие. Однажды, в сильный мороз, эсэсовцы заставили целую группу работать раздетыми. Через два часа люди были совершенно обморожены. Работа стала. Эсэсовцы избивали людей палками, те же, кто не выдержал экзекуции и свалились, были отправлены в "газ". Сказаться больным, попасть в амбулаторию было равносильно добровольной отправке в "газ" Мы очень скоро узнали об этом. У моего старшего брата Михла, находившегося вместе со мной в Освенциме, распухли ноги Он пошел в амбулаторию и больше оттуда не вернулся. Так погибли и другие мои остринские земляки: Мойше- Янкель Камсионский, Шлойме-Гирш Шилковский, Мотл Кримский и другие. Я чувствовал, что силы у меня падают с каждым днем. я еле держался на ногах. Но товарищи по команде поддерживали меня, помогали скрыть от охраны мое болезненное состояние. Если бы не их помощь, не миновать бы мне "газа". И все же, не взирая на всю опасность, мы на работе старались, чем только могли, вредить немцам. Драгоценности, золото, деньги, которые мы иногда находили в вещах, мы зарывали в мусор, прятали, лишь бы они не достались немцам. Верхнее платье старались изрезать, испортить, вырезали на нем шестиконечные звезды. 12 января 1943 года нашу команду переселили в Биркенау. Аушвицу немцы старались внешне придать вид рабочего лагеря. На территории лагеря редко можно было увидеть труп заключенного. Больные на носилках отправлялись в амбулаторию, будто бы для лечения. На самом деле, их из амбулатории отсылали в газовые камеры. Но это, во всяком случае, первое время после моего при- бытия в Освенцим, держалось под секретом. Совершенно иначе дело выглядело в Биркенау. Здесь все свидетельствовало о том, что мы находимся на фабрике смерти. Повсюду возле блоков лежали мертвые или умирающие люди. Грязь в бараках царила неопишная. В зимние, морозные дни людей посылали в холодные бани, окачивали ледяной водой.

Заболевших отправляли в газовые камеры. Сначала отправки производились раз в неделю, потом стали отправлять все чаще и чаще. Ослабевшие, изможденные люди еле вытаскивали ноги из грязи, которой была покрыта вся площадь лагеря. А эсэсовцы, забавляясь, ставили им палки под ноги. Упадет человек, ему уже не встать. Однажды вечером, выходя на работу, я увидел два грузовика с прицепами, полные трупов. Не меньше эсэсовцев свирепствовали надзиратели отдельных бараков, большинство которых вербовалось из уголовных преступников. На моих глазах немец- надзиратель нашего барака убил однажды четырнадцать человек. В других бараках положение было не лучше, если не хуже. Вставали мы в 4 часа утра "Апель" утром и вечером продолжался часа по три. Производился он во дворе. Особенно мучительным был вечерний "апель". Здесь же, перед строем, производилась экзекуция над людьми, в чем-либо провинившимися на работе. В дополнение к побоям, полученным ими еще на работе от охраны, во время "аппеля" снова производилось избиение. А иногда человека прямо отправляли в "газ". Особенно свирепый характер носили "аппели", если кого-либо не хватало. "Апель" тогда продолжался бесконечно. За бежавшего расплачивались все, кто с ним работал. Помню, как-то летом 1943 года из лагеря выехало с навозом восемь человек заключенных русских из сельскохозяйственной команды. Они остались на несколько часов работать вне лагеря. Троица из них удалось бежать. Охрана несколькими выстрелами в лицо расстреляла остальных пять заключенных. Тела их были доставлены в лагерь и для устрашения остальных заключенных уложены на столы возле ворот. Так пролежали они двое суток. Если кто-либо не в состоянии был идти на работу, его отправляли в седьмой барак. Это было место, куда собирали всех больных. Когда барак заполнялся, всех отсылали в газовые камеры. Не прошло и двух месяцев с момента нашего прибытия в Освенцим, как из всей нашей группы в сорок девять человек осталось лишь четверо или пятеро. Все остальные постепенно были убиты или отправлены в "газ". Часть наших острийских, работала в лесу, в команде, которая заготавливала дрова для крематориев или для сжигания во рвах. От одного из них Фишеля Любецкого, я узнал, что Лейб Бриль, Яков Слацник, Лейб Слацник были повешены эсэсовцами в лесу. У самого Любецкого все тело было в кровоподтеках от побоев. Но он был крепкий парень - выдержал и пробыл вместе со мной в лагере до самых последних дней. В феврале я увидел среди вновь прибывших своего племянника, сына моей сестры из Гродно - Иоэля Камионского. От него я узнал о судьбе моего мальчика, Иоэля, которого я попытался спасти в дороге. И он не миновал Освенцима. Привезли его сюда вместе со всей семьей моей сестры, и из всей этой семьи только Иоэль Камионский попал в рабочую бригаду. Судьба остальных была уже для меня ясна: "газ"! До весны 1943 года транспорты людей шли преимущественно из польских областей, отнесенных гитлеровцами к Третьему Рейху, частично также из "генерал- губернаторства". Затем стали прибывать первые транспорты из Греции, Чехословакии, Германии, Франции

Прибыл однажды транспорт из города Пружаны. Один из прибывших, увидя людей нашей команды, спросил: "Скажите, какой смертью суждено нам умереть? Я чувствовал, как у меня с каждым днем тают силы. Как ни старались мои товарищи по команде оградить меня от взоров охраны, я часто стал попадать под палочные удары. До сих пор звучит в моих ушах команда: "НагнисьГ В вещах, которые мы разбирали, попадалось иногда съестное. Мы старались скрыть это от охраны, но если эсэсовцы обнаруживали у нас какие-либо продукты или замечали, что мы что-нибудь съели, нас били нещадно. Я получил однажды тридцать пять палочных ударов за передачу черствого хлеба, найденного в вещах, моему племяннику Иоэлю Камионскому. Жизнь становилась неважгой. Но товарищи всячески старались поддержать во мне дух бодрости, убеждали, что надо беречь жизнь, - она еще может пригодиться. С особой благодарностью вспоминаю сейчас моих товарищей: Альберта (прибывшего из Франции) и Кабачникова В Освенцим они попали еще раньше меня - их номера были среди сороковых тысяч. Евреи, привезенные из Греции, были преимущественно жители Салоник. Перед отправкой из Греции им было заявлено, что они едут на работу в Польшу. Люди поверили и были поражены, когда по прибытии эшелона в Освенцим, тотчас же после выгрузки, немцы принялись отделять более здоровых мужчин от женщин детей и стариков. "Wie so, Frauen separat?" с изумлением спросил по-немецки молодой человек когда его отделили от семьи. В Биркенау были доставлены прибывшие с первыми греческими эшелонами три раввина. Их заставили подписать письмо, в котором говорилось, что все люди живы, работают. живется им хорошо. Затем их постигла общая участь. Осенью 1943 года в лагере было отобрано около четырех тысяч заключенных евреев, преимущественно прибывших из Греции. Они были увезены в Варшаву, на разборку руин гетто. Небольшой части этих людей удалось бежать, большинство же было потом доставлено обратно и сожжено в освенцимских крематориях. В одном из греческих транспортов был доставлен детский дом. На железнодорожной платформе эсэсовцы хотели отделить от детей прибывшую вместе с ними воспитательницу Она категорически отказалась оставить детей одних хотя к этому моменту для всех прибывающих была уже ясна ожидающая их участь. Не подействовали ни уговоры ни попытки насильно оторвать ее. Так и ушла вместе с ними в газовую камеру. Мы были однажды поражены, когда к нам, в мужской лагерь, привезли несколько еврейских семейств из Германии с женами и детьми. Недоумение наше скоро разрешилось. Газовые камеры и крематории не могли сразу справиться с огромным количеством доставленных в Освенцим жертв. Пришлось задержать их на некоторое время Через день - два все эти люди были отправлены в крематории. Несколько позже вблизи наших барачков находился семейный лагерь, в котором были размещены евреи, привезенные из Терезиенштадта в Чехословакии. Этот лагерь просуществовал около полугода, после чего все обитатели его были отправлены на смерть.

Видел я и семейный лагерь цыган Они занимали два больших блока Их там была не одна тысяча Погибли все, до единого. Вот так жили мы, видя каждую минуту смерть перед глазами. Только товарищеская поддержка помогла мне пережить это время, вопреки всему С наступлением весны я несколько пришел в себя, почувствовал себя лучше. А летом в моей жизни в лагере произошла перемена

4. На заводе

В июне 1943 года меня как слесаря взяли на завод который находился в семи- восьми километрах от Освенцима Всего нас на заводе работало две тысячи шестьсот заключенных, из них примерно тысяча триста мужчин и полторы тысячи женщин. Завод первое время принадлежал фирме Круппа. Машины и станки были доставлены частью новые, частью - искалеченные, обгорелые, очевидно, пострадавшие от бомбардировок Вид этих станков доставлял нам. поистине, удовлетворение. Через некоторое время все крупповское оборудование было вывезено, завод перешел к фирме "Унион", которая привезла сюда оборудование с советскими марками - из Запорожья. Старший в мастерской, в которую я попал был чех Котшеба Мы с ним вскоре стали заниматься выделкой кастрюль, тазов и так далее. Немцам это понравилось. Требования на кастрюли возрастали с каждым днем. Иногда нам за них перепал лишний кусок хлеба. Случаи смерти людей тут же на заводе, за станком бывали у нас довольно часто. Избиение заключенных на заводе было обычным делом. Особенно свирепствовал обермайстер Штратман, мерзавец, каких мало. Он, бывало, подходил к своей жертве потихонечку, говорил с улыбочкой, а кончалось дело зверскими побоями. Одно время нам казалось, что в лагере несколько затихло с газованием и сжиганием людей. Имел место даже такой случай: четыреста человек, взятых для отправки в газовые камеры, были возвращены в бараки. Лагерфюрер Гофман через старост бараков зажил, что больше никого, а тем более не евреев, газовать не будет. Но это было только для видимости. На самом деле газовые камеры и крематории продолжали ежедневно поглощать десятки тысяч жертв. На другой же день после "торжественного" обещания Гофмана в газовые камеры было отправлено несколько тысяч человек из более мелких лагерей: Явожно, Буды, Янинагрубен и других. Раньше людей, истощенных на работе в этих мелких лагерях, привозили в Биркенау или Аушвиц. а отсюда уже отправляли в газовые камеры. Теперь процедура сократилась - их везли в крематории прямо из этих лагерей. Нередко отправляли на газование людей и с нашего завода. Лето 1944 года было особенно жутким по количеству людей, истребленных в Освенцимских лагерях. Тогда-то были сожжены люди, доставленные из Терезиенштадтского лагеря и цыгане, занимавшие некоторое время в Освенциме два больших блока. Зимой 1943/44 года было доставлено несколько транспортов людей из Белостока - участников восстания Белостокского гетто. Многие из них были расстреляны эсэсовцами фазу же, при выгрузке из вагонов, это был первый случай

массового расстрела на железнодорожной платформе. Остальные были отправлены в газовые камеры. В лагерь из этих транспортов не было доставлено ни одного человека. Летом 1944 года была доставлена большая партия мужчин и женщин из Майданека. Среди них началась сильная эпидемия дизентерии, и каждое утро сотни людей отправлялись в газовые камеры. В конце июня - начале июля 1944 года чувствовалось, что немцы усиленно готовятся к приемке и истреблению большого количества людей. Несмотря на непрерывную работу всех печей в крематориях, землекопы стали рыть большие ямы, лесорубы заготавливать дрова. Вскоре началась доставка транспортов с венгерскими евреями. В течение июля и августа их было доставлено не менее пятисот тысяч человек. Первые партии венгерских евреев доставлялись в лагерь. Их заставляли писать домой письма о том, что они находятся в районе Вальдзее, вблизи Вены, и живут им хорошо. Вскоре, однако, эшелоны стали подвозить прямо к газовым камерам. Людей убеждали, что их ведут в баню, и они спокойно стояли у камер, дожидаясь своей очереди. Газовые камеры "пропускали" тогда ежедневно по двадцати - двадцать шесть тысяч человек в день. Крематории не в состоянии были справиться с таким огромным количеством трупов, и вокруг лагеря день и ночь пылали костры. Казалось, что все кругом охвачено пламенем, отовсюду доносился запах горелого человеческого тела. Клубы дыма стлались по земле. Мы вдыхали этот запах, этот дым, он душил, сводил нас с ума. В самый разгар истребления венгерских евреев, в одно из воскресений, лагерфюрер Гесслер решил позабавиться. Нас всех выгнали из бараков во двор лагеря, где непрерывно играл оркестр, а сам Гесслер, в тирольском костюме, в коротких кожаных брючках, с шапочкой с пером на голове, разгуливал по лагерю, любуясь багровым от пламени небом. Примерно в то же время в Освенцим привезли большую партию еврейских женщин и детей из Югославии, затем партию в шестьдесят пять тысяч человек из Лодзинского гетто. В 1944 году особенно широкий размах приняли "медицинские опыты" над людьми. Еще в 1943 году из ряда транспортов были отобраны все дети моложе шестнадцати лет. Над ними в течение некоторого времени производились какие-то эксперименты, а затем им всем был впрыснут яд. Впоследствии жертв для экспериментов стали отбирать из каждого транспорта. Весной 1944 года женщины, предназначенные для экспериментов, были переведены в отдельный барак (второй барак новой стройки). Вокруг него была сооружена ограда из колючей проволоки, поставлена охрана. Точно также были огорожены и восьмой, девятый, десятый бараки, в которых также содержались "подопытные" женщины. Почти все они постепенно были отправлены в газовые камеры. Те, которые выжили до конца существования лагеря, были истреблены во время эвакуации. Мужчин кастрировали: некоторым вырезали по одному яичку, иным - оба. Единичные случаи сопротивления, попытки бежать из лагеря были довольно часты. Еще летом 1943 года бежал поляк-инженер, захватив с собою планы строительства лагеря. В отместку за это бегство было повешено двенадцать поляков, работавших вместе с ним.

Было объявлено, что в дальнейшем за каждого бежавшего будет казнено сто человек. Это, однако, не остановило людей. Попытки бежать продолжались. Летом 1944 года пытался бежать варшавянин Генах Громп вместе со своим братом и одним чехословацким евреем. Их задержали, Генаха отправили в лагерь Янинагрубен, а остальных двух посадили в "бункер" (тюрьму) в Биркенау. В Янинагрубен Генах пытался устроить подкоп, но опять попался. Его доставили в Биркенау и тут повесили. Двое его товарищей сделали попытку бежать из "бункера" и также были повешены. Лагерная тюрьма, "бункер" помещалась в одиннадцатом бараке. Судьба людей, попавших в "бункер", была заранее известна. Каждые десять дней происходила комедия суда. Приговор был один - смертная казнь. Стена, у которой производились казни, получила название "черной стены". Среди казненных в "бункере" было много поляков - партизан мужчин и женщин. Здесь же казнили и евреев, которые бежали из гетто. Однажды расстреляли у "черной стены" молодую еврейскую женщину с двумя детьми. В 1944 году расстрелы у "черной стены" были заменены душегубкой. Душегубка работала до последнего дня существования лагеря. Нередко случалось, что вернувшись с работы, мы видели на земле еще не застывшие следы человеческой крови. Однажды, войдя в ограду, мы наткнулись на грузовик из кузова которого ручьями текла кровь. Машина была нагружена телами убитых. Зимой, в начале 1944 года, вернувшись однажды с работы в поздний час, когда "аллель" давно уже должен был быть закончен, мы застали весь лагерь во дворе. По общему настроению мы поняли, что произошло нечто очень серьезное. И действительно, оказалось, что произошло событие, весьма встревожившее гитлеровцев. В одном из транспортов, доставленных из Франции, была молодая еврейская женщина. Когда ее, уже голую, повели к газовой камере, она стала умолять рапортфюрера Шилингера, руководившего газованием, оставить ее в живых. Шилингер стоял, засунув руки в карманы, и, покачиваясь на ногах, смеялся ей в лицо. Сильным ударом кулака в нос она свалила Шилингера на землю, выхватила его револьвер, несколькими выстрелами убила наповал его и еще одного эсэсовца, а одного ранила. Имел место и такой случай: один еврей из Югославии, зачисленный в "зондеркоманду", при сжигании трупов бросился в огонь, потащив с собой эсэсовца. В конце 1943 года в лагере возникла организация сопротивления. Как в самую организацию, так и в руководство входили люди различных национальностей. Работа велась первое время среди заключенных каждой национальности отдельно. Мы знали что во главе организации стоят коммунисты. Меня в организацию привлек Гутман участник восстания в Варшавском гетто. Я уже потом привлек других товарищей, Альберштата, Роберта (он был из Бельгии, фамилии его я не помню). Вообще же мы были организованы в кружки и каждый из нас знал только свой кружок - тех людей, от которых он получал задания, и тех которым он должен был передавать задания. Нам удалось установить контакт с женскими бараками, с рабочими "зондеркоманды", даже с заключенными маленьких лагерей.

Первое время организация ставила перед собой главным образом задачу оказания помощи наиболее нуждавшимся товарищам. Затем организовали передачу информации. Через товарищей работавших в радиомастерской, удалось установить более или менее регулярное слушание советского радио, и сведения о победах Красной Армии, передаваемые из уст в уста, вливали в нас бодрость и веру в то, что приближается час расплаты с гитлеровскими людоедами. Мы на заводе тайком заготовили ножницы, готовясь в соответствующий момент перерезать проволочные ограждения вокруг лагеря. Мы перешли к проведению актов саботажа на заводе: замедлению темпа работы, порче станков. В мае 1944 года я, по предложению организации, перешел в ночную смену для установления связей и налаживания работы организаций в этой смене. Наша деятельность, несомненно, приносила плоды. Понемногу стали красть порох с завода и передавать его членам организации, входившим в "зондеркоманды". В конце августа гитлеровцы принялись уничтожать "зондеркоманды", сжигавшие трупы венгерских евреев. Несколько сот человек из этих команд были задушены в Аушвице, в камерах в которых проводилась дезинфекция вещей. Остальные скоро узнали об этом. Сто двадцать человек из "зондеркоманды" напали на свою охрану, перебили ее. начальника одного из крематориев сожгли в печи, крематорий взорвали, а сами бежали. За ними была послана погоня, многие из них погибли но, как нам передавали, тридцать шесть человек из них все же ушли. В лагере после этого начались повальные обыски и репрессии Был арестован и немец, Шульц, "капо" нашей ночной смены. У одной девушки из Кракова обнаружили какое-то письмо, и по этому письму были арестованы еще три девушки Всех четырех повесили перед зданием завода - двоих во время дневной смены, двоих - в ночной. Казнью руководил лагерфюрер Гесслер. Пять членов организации решили бежать из лагеря для установления связей с внешним миром и подготовки более широкого выступления Их уложили в ящики в которых вывозились вещи. Но шофер заметил их и выдал. Все они были доставлены обратно в лагерь и повешены "за попытку к бегству и взрыву лагеря". Настроение стало крайне напряженным. Начата была постройка специальной, огражденной колючей проволокой, дороги с завода в лагерь. В декабре 1944 года мы почувствовали, что немцы готовятся к ликвидации лагеря Пошли слухи что всех заключенных собираются уничтожить. В начале января 1945 года налеты советской авиации на Освенцим приняли особенно интенсивный характер. В ночь на 12 января, не успели мы заступить на ночную смену, как раздался оглушительный взрыв. Свет погас Вскоре мы узнали, что бомба попала в участок, который был занят квартирами эсэсовцев, и нанес им много потерь. Во время бомбежек люди молили бога о том, чтобы погибнуть от авиабомбы, а не от рук гитлеровцев. Гитлеровцы были в совершенной панике. Чувствовалось, что близится конец. Каков будет он, однако, для нас? На душе было очень тревожно.

Началась эвакуация лагеря. Сначала вывезли всех поляков. В ночь на 18 января наш завод еще работал. А 18 января нас погнали на запад. На каждые пять заключенных был поставлен один ээсовец. Семьдесят километров гнали нас пешком. Отстававших пристреливали - за два дня пути было таким образом убито до пятисот человек. 20 января нас привезли на какую-то маленькую станцию. На каждом шагу валялись трупы убитых. Расстреливали каждого, кто пытался на шаг отойти от команды. Здесь нас посадили в открытые вагоны и повезли. Ночью, на маленькой станции, в пятнадцати километрах от Нейсы, мне удалось бежать. Девять дней я пролежал в лесу, затем попытался выйти, был арестован, опять бежал, втерся в группу немецких беженцев и вместе с ними добрался до Фалькенберга. Здесь меня снова задержали, приговорили к расстрелу. Но мне снова удалось бежать и, после долгих мытарств, я 3 февраля перешел линию фронта. После проверки я удостоился чести быть зачисленным в ряды Красной Армии. Я счастлив тем, что мне удалось участвовать в нескольких боях против гитлеровцев. 7 мая я был ранен, два месяца пролежал в госпитале. Сейчас я демобилизован. Был дома в Острине. Жизнь в городе восстанавливается. Но мне там сейчас слишком тяжело. Раны в сердце моем кровоточат. Все напоминает мою семью, моих дорогих детей. И я решил пожить в другом месте. Советская родина эту возможность мне предоставила. Мастер я неплохой, работаю. Надо жить! Будем жить!

Подготовил к печати Л. Гольдберг.